

Докосмическое состояние стихий в «Тимее» Платона

Мой доклад будет посвящен вопросу о докосмическом состоянии стихий в «Тимее» Платона. Известно, что демиург не творит стихии, а только упорядочивает их, придавая им формы правильных многогранников. Что представляли собой стихии до рождения неба, а именно: 1. были ли они качествами восприемницы или только находились в ней, будучи самостоятельными силами (*δυνάμεις*); 2. какой язык описания Платон считает предпочтительным: 2.1. можно ли называть стихии в докосмическом состоянии именами «огонь», «вода» и т.д. или нужно говорить «такое как огонь» и т.д., 2.2. можно ли называть каждую стихию отдельно или только все вместе; 3. были ли стихии отпечатками форм; 4. имели ли они корпускулярное строение. Также я затрону вопросы, связанные с учением о первичных треугольниках, слагающих поверхности элементов: 1. какова их природа, 2. в каком отношении они находятся с природой восприемницы, и 3. различаются ли они по размеру. И, наконец, последняя группа вопросов будет связана с проблемами соответствия форм элементов природным свойствам стихий и их родовидового деления, а именно чем определяется: 1. подвижность, 2. вес и 3. видовая принадлежность элементов.

Материалы

1. А о Кормилице рождения скажем вот что: поскольку она то растекается влагой, то пламенеет огнем (*ὕγραينوμένην καὶ πυρομένην*), то принимает формы земли и воздуха (*τὰς γῆς τε καὶ ἀέρος μορφὰς δεχομένην*), то есть претерпевает всю череду подобных состояний (*ὅσα ἄλλα τούτοις πάθη συνέπεται πάσχουσαν*), являя многообразный лик (*παντοδαπὴν μὲν ἰδεῖν φαίνεσθαι*), и поскольку наполнявшие ее силы (*δυνάμειων*) не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены, то она сама ни в одной своей части не имела равновесия, а была повсюду неравномерно сотрясаема и колеблема этими силами и в свою очередь сама колебала их (*ἀνωμάλως πάντη ταλαντούμενην σειέσθαι μὲν ὑπ' ἐκείνων αὐτήν, κινουμένην δ' αὖ πάλιν ἐκεῖνα σειεῖν*)¹ (52d4–e5).
2. Возьмем для начала хотя бы то, что мы теперь называем водой: когда она сгущается, нам кажется, что мы видим рождение камней и земли (*πηγνύμενον ὡς δοκοῦμεν λίθους καὶ γῆν γιγνόμενον ὁρῶμεν*), когда же она растекается и разрежается, соответственно рождаются ветер и воздух, а последний, возгораясь, становится огнем; затем начинается обратный путь, так что огонь, сгустившись и угаснув, снова приходит к виду воздуха, а воздух опять собирается и сгущается в облака и тучи, из которых при дальнейшем уплотнении изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням (*ἐκ δὲ τούτων ἔτι μᾶλλον συμπλουμένων ρέον ὕδωρ, ἐξ ὕδατος δὲ γῆν καὶ λίθους αὖθις*), и, так переходя по кругу одно в другое, как представляется, они рождаются (*κύκλον τε οὕτω διαδιδόντα εἰς ἄλληλα, ὡς φαίνεται, τὴν γένεσιν*) (49c–d)².

1 Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

2 Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

3. *Τιμειῦ* 49d–50a:

οὔτω δὴ τούτων οὐδέ ποτε τῶν αὐτῶν ἐκάστων φανταζομένων, ποῖον αὐτῶν ὡς ὄν ὀτιοῦν τοῦτο καὶ οὐκ ἄλλο παγίως δισχυριζόμενος οὐκ αἰσχυνεῖται τις ἑαυτόν; οὐκ ἔστιν, ἀλλ' ἀσφαλέστατα μακρῶς περὶ τούτων τιθεμένους ᾧδε λέγειν· αἰεὶ ὁ καθορῶμεν ἄλλοτε ἄλλη γιγνόμενον, ὡς πῦρ, μὴ τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον ἐκάστοτε προσαγορεύειν πῦρ, μηδὲ ὕδωρ τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον αἰεὶ, μηδὲ ἄλλο ποτὲ μηδὲν ὡς τινα ἔχον βεβαιοτήτα, ὅσα δεικνύντες τῷ ῥήματι τῷ τότε καὶ τοῦτο προσχρῶμενοι δηλοῦν ἠγοούμεθά τι· φεύγει γὰρ οὐχ ὑπομένον τὴν τοῦ τότε καὶ τοῦτο καὶ τὴν τῷδε καὶ πᾶσαν ὄση μόνιμα ὡς ὄντα αὐτὰ ἐνδείκνυται φάσις. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἕκαστα μὴ λέγειν, τὸ δὲ τοιοῦτον αἰεὶ περιφερόμενον ὅμοιον ἐκάστου πέρι καὶ συμπάντων οὔτω καλεῖν, καὶ δὴ καὶ πῦρ τὸ διὰ παντὸς τοιοῦτον, καὶ ἅπαν ὅσονπερ ἂν ἔχη γένεσιν· ἐν ᾧ δὲ ἐγγιγνόμενα αἰεὶ ἕκαστα αὐτῶν φαντάζεται καὶ πάλιν ἐκεῖθεν ἀπόλλυται, μόνον ἐκεῖνο αὐτὸ προσαγορεύειν τῷ τε τοῦτο καὶ τῷ τότε προσχρωμένους ὀνόματι, τὸ δὲ ὀποιοῦν τι, θερμὸν ἢ λευκὸν ἢ καὶ ὀτιοῦν τῶν ἐναντίων, καὶ πάνθ' ὅσα ἐκ τούτων, μηδὲν ἐκεῖνο αὐτὸ τούτων καλεῖν.

Если, таким образом, каждая из них никогда не представляется одним и тем же, то как некто может не стыдиться себя, решительно утверждая, что какая-то из них есть вот эта отдельная вещь, а не что-то иное? Никак. А самым достоверным способом будет утверждать о них, говоря так: о том, что мы всегда видим, как становящееся то одним, то другим в разное время, например, огонь, нужно говорить не «это – огонь», а «всякий раз такое – огонь», и не «это – вода», а «всегда такое – вода»³, и даже не [называть] «это (как если бы эти вещи имели какую-то стабильность) чем-то другим» из тех вещей, о которых мы думаем, что делаем нечто определенно ясным, когда указываем на них в речи, используя слова «то» и «это». Потому что они ускользают, не попадая под определение «то», «это», «нечто» или любое другое, которое описывает их как неподвижные сущие. Но [еще лучше] не будем говорить об этих вещах как о каждой отдельно (т.е. не будем отдельно называть огнем, водой и т.п. – *H.V.*)⁴, а так называть такое, всегда повторяющееся в качестве одинакового и в случае с каждой [из стихий по отдельности], и со всеми ими вместе⁵, – например, «такое, что постоянно такое, – огнем», и вообще все, что имеет возникновение. Но то, в чем кажется, что они всегда рождаются и откуда вновь исчезают, только это мы назовем, используя имена «то» и «это». А нечто, обладающее тем или иным качеством – или теплое, или белое или то, что им противоположно, и вообще все вещи, которые из них слагаются, – ни одно из них не следует так называть.

3 Я опираюсь на перевод Чернисса: τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον ἐκάστοτε и τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον αἰεὶ он предлагает понимать как субъект предикации при προσαγορεύειν, а πῦρ и ὕδωρ как предикаты.

4 ταῦτα μὲν субъект предикации при μὴ λέγειν, а ἕκαστα предикат.

5 ταῦτα μὲν μὴ λέγειν противопоставляется τὸ δὲ τοιοῦτον αἰεὶ περιφερόμενον ὅμοιον οὔτω καλεῖν. При этом τὸ δὲ τοιοῦτον αἰεὶ περιφερόμενον ὅμοιον ἐκάστου πέρι καὶ συμπάντων понимается как единая конструкция, по смыслу совпадающая с τὸ διὰ παντὸς τοιοῦτον и ἅπαν ὅσονπερ ἂν ἔχη γένεσιν. См. подробную аргументацию: Harold F. Cherniss, «A Much Misread Passage of the *Timaeus* (*Timaeus* 49 C 7–50 B 5)», *The American Journal of Philology* 75, no. 2 (1954).

4. *Τιμει* 50a5–b5

εἰ γὰρ πάντα τις σχήματα πλάσας ἐκ χρυσοῦ μηδὲν μεταπλάττων παύοιτο ἕκαστα εἰς ἅπαντα, δεικνύντος δὴ τινος αὐτῶν ἔν καὶ ἐρομένου τί ποτ' ἐστὶ, μακρῶ πρὸς ἀλήθειαν ἀσφαλέστατον εἰπεῖν ὅτι χρυσός, τὸ δὲ τρίγωνον ὅσα τε ἄλλα σχήματα ἐνεγίνετο, μηδέποτε λέγειν ταῦτα ὡς ὄντα, ἃ γε μεταξύ τιθεμένου μεταπίπτει, ἀλλ' ἐὰν ἄρα καὶ τὸ τοιοῦτον μετ' ἀσφαλείας ἐθέλη δέχεσθαι τινος, ἀγαπᾶν.

Ведь если некто, отлив из золота всевозможные фигуры, не переставал бы переплавлять каждую во все остальные, и если некто укажет на одну из фигур и спросит, «что это такое», то наиболее достоверно в отношении истины о будет сказать, что «это – золото», а о треугольнике и прочих возникших фигурах никогда не говорить как о сущих, поскольку они меняются в то время, когда о них делается утверждение, но если он захочет принять ответ, содержащий в себе некоторую долю достоверности, что «это – такое», то нам надо быть довольными.

5. Наименее подвижный (τὸ δυσκινητότατον) из остальных видов отведем воде, наиболее подвижный (εὐκινητότατον) – огню, а средний (μέσον) – воздуху; наименьшее тело (σμικρότατον) – огню, наибольшее (μέγιστον) – воде, а среднее (μέσον) – воздуху, и, наконец, самое остроугольное (ὀξύτατον) тело – огню, следующее за ним – воздуху, а третье – воде (56a1–5).
6. То, что имеет наименьшее число оснований (βάσεις) по необходимости самое легкоподвижное по природе, наиболее режущее и острое из всех, а еще самое легкое, состоящее из наименьшего числа подробных частей (τὸ μὲν ἔχον ὀλιγίστας βάσεις εὐκινητότατον ἀνάγκη πεφυκέναι, τμητικώτατόν τε καὶ ὀξύτατον ὄν πάντη πάντων, ἔτι τε ἐλαφρότατον, ἐξ ὀλιγίστων συνεστὸς τῶν αὐτῶν μερῶν...) (56a6–b2).
7. Ведь вы говорите, в согласии с Эмпедоклом, о каких-то истечениях из вещей и о порах, в которые проникают и через которые движутся эти истечения (πόρους εἰς οὓς καὶ δι' ὧν αἱ ἀπορροαὶ πορεύονται). Из этих истечений одни соразмерны некоторым порам, а другие слишком велики или слишком малы для них (τῶν ἀπορροῶν τὰς μὲν ἀρμόττειν ἐνίοις τῶν πόρων, τὰς δὲ ἐλάττους ἢ μείζους εἶναι). Цвет – это истечение от очертаний, соразмерное зрению и воспринимаемое им (ἔστιν γὰρ χροὰ ἀπορροή σχημάτων ὅψει σύμμετρος καὶ αἰσθητός)⁶ (*Μενο* 76c7–d5).
8. Кроме того, должно принять во внимание, что существует много видов огня (πυρός τε γένη πολλὰ), из которых можно назвать пламя (φλόξ), затем истечение пламени (ἀπὸ τῆς φλογὸς ἀπίόν), которое не жжет, но доставляет глазам свет, и, наконец, то, что после угасания пламени остается в тлеющих угольях (φλογὸς ἀποσβεσθείσης ἐν τοῖς διαπύροις καταλειπόμενον)⁷ (58d).

6 Пер. С.А. Ошерова.

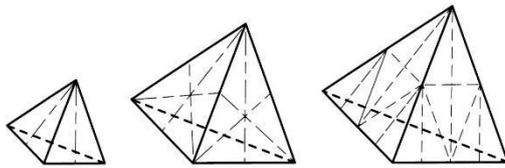
7 Пер. С.С. Аверинцева.

9. *Τιμειῦ* (57c8–d6):

τὸ δ' ἐν τοῖς εἶδεσιν αὐτῶν ἕτερα ἐμπεφυκέναι γένη τὴν ἐκατέρου τῶν στοιχείων αἰτιατέον σύστασιν, μὴ μόνον ἐν ἐκατέραν μέγεθος ἔχον τὸ τρίγωνον φυτεῦσαι κατ' ἀρχάς, ἀλλ' ἐλάττω τε καὶ μείζω, τὸν ἀριθμὸν δὲ ἔχοντα τοσοῦτον ὅσαπερ ἂν ᾗ τὰν τοῖς εἶδεσι γένη. διὸ δὴ συμμειγνύμενα αὐτά τε πρὸς αὐτά καὶ πρὸς ἄλληλα τὴν ποικιλίαν ἐστὶν ἄπειρα ἧς δὴ δεῖ θεωροῦς γίνεσθαι τοὺς μέλλοντας περὶ φύσεως εἰκότι λόγῳ χρῆσεσθαι.

«А то, что разные виды присущи по природе их родам, обусловлено строением каждого из элементов. Каждый из двух [первичных треугольников] изначально породил треугольник, имеющий не один только размер, но некоторые большего, а некоторые меньшего размера. Число [этих треугольников разного размера] таково, сколько будет видов в родах. Так что смешение видов между собой и с другими видами стихий создает беспредельное многообразие, изучить которое надлежит тому, кто собирается изречь о природе правдоподобное слово»⁸.

10. Если такие треугольники сложить, совмещая их гипотенузы, и повторить такое действие трижды, притом так, чтобы меньшие катеты и гипотенузы сошлись в одной точке как в своем центре, то из шестикратного числа треугольников будет рожден один, и он будет равносторонним (54e)⁹.

11. Первый жидок потому, что содержит в себе исходные тела воды, которые малы (σμικρά) и притом имеют разную величину (ἀνίσων ὄντων); благодаря своей неоднородности (διὰ τὴν ἀνωμαλότητα) и форме своих очертаний (τὴν τοῦ σχήματος ἰδέαν) он легко приходит в движение (κινητικὸν) как сам по себе, так и под воздействием иного. Напротив, второй вид состоит из крупных (ἐκ μεγάλων) и однородных (ὁμαλῶν) тел; он устойчивее (στασιμώτερον) первого и тяжел (βαρὺ), будучи плотным по причине однородности (πεπληγὸς ὑπὸ ὁμαλότητός ἐστιν) (58d–e)¹⁰.

⁸ Я перевожу этот фрагмент, опираясь на перевод Корнфорда. См. Cornford, *Plato's Cosmology*, 230–31.

⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

¹⁰ Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.